

Аристотель
«О душе» II 11

Рассуждение об осязаемом и осязании будет одним и тем же,¹ потому что если осязание представляет собой не одно, а множество ощущений, то и осязаемых предметов у осязания будет много. Впрочем, вопрос о том, много этих ощущений или одно, и что такое орган осязания, содержит затруднение, так же как и вопрос о том, является ли органом осязания плоть и то, что соответствует ей у других животных, или же плоть – всего лишь среда, а первый орган ощущения находится внутри и представляет собой нечто иное.² Ведь всякое ощущение, по-видимому, воспринимает только одну противоположность: зрение – черное и белое, слух – высокое и низкое, вкус – горькое и сладкое. У осязаемого же много противоположностей: горячее и холодное, сухое и влажное, твердое и мягкое и тому подобное. Возможным выходом из сложившегося затруднения было бы сказать, что другие ощущения тоже воспринимают больше одной противоположности: например, голос может быть не только высоким и низким, но и сильным и слабым, нежным и грубым и т.п., и что подобные дополнительные различия есть также у цвета. Но что в случае осязания является единым подлежащим всех этих различий, таким же, каким звук для слуха? Это по-прежнему остается неясным.³

¹ ὁ αὐτὸς λόγος – начальную фразу этой главы некоторые комментаторы и переводчики понимают в том смысле, что рассуждение об осязаемом и осязании будет «тем же самым», что и предыдущие рассуждения о других чувствах, т.е. что исследование осязания Аристотель будет строить по уже известному и опробованному принципу – сначала выяснит, что такое предмет осязания, а потом будет искать определение соответствующего ощущения (Simpl. 158, 10-12; Hicks 1907, 403; Shields 2016, 44). Однако по мнению Д. Росса, продолжение этой фразы однозначно указывает на то, что Аристотель собирается провести «одно и то же», общее, рассуждение об осязаемом предмете и чувстве осязания (Ross 1961, 261). Действительно, как будет показано ниже, предмет осязания представляет для нас не меньшую загадку, чем само это чувство. Если в отношении предмета зрения или слуха мы можем сказать, что видимое (ὄρατόν) это «прежде всего цвет (χρῶμα – 418a 27)», а слышимое (ἀκουστόν) – звук (ψόφος), то какое свойство вещей предстает нам в качестве осязаемого (ἅπτόν), мы сказать не можем. Мы не знаем, что именно является общим подлежащим для теплого и холодного, сухого и влажного, таким же, как цвет является для черного и белого, а звук – для громкого и тихого. Нам не известно даже, много этих подлежащих или одно, и воспринимаются ли они одним или несколькими чувствами. Вот почему исследование осязания должно идти рука об руку с исследованием осязаемого предмета, а не исходить из него, как в случае других ощущений. Похожей точки зрения придерживается и Иоанн Филопон, по словам которого, «одно и то же рассуждение касается и осязания, и осязаемого: как обстоит дело с осязаемым, так же по необходимости – и с осязанием, и наоборот. В частности, если осязаемых окажется много, то будет и много осязаний, а если будет много осязаний, то – и осязаемых» (Phil. 422, 17-20).

² ἔχει δ' ἀπορίαν – Аристотель здесь формулирует два вопроса, или затруднения (ἀπορίαι), с которыми сталкивается исследование осязания: (1) является ли осязание одним или несколькими ощущениями, объединенными общим именем; (2) что представляет собой орган осязания и где он располагается: на поверхности тела или внутри него. В следующих строках (423b 23-33) философ пояснит, как и почему возникает первое затруднение, после чего перейдет к обсуждению второго (423b 34 – 424a 17).

³ Если в ходе исследования осязания мы попытаемся действовать так же, как и в случае других ощущений, т.е. будем стараться определить осязающую способность, исходя из определения того, что она ощущает, то обнаружим, что предмет, на который направлено осязание (τὸ ἀντικείμενον), нам неизвестен. Если зрением мы воспринимаем цвет, а слухом – звук, то восприятием чего является осязание? Теплого и холодного? Сухого и влажного? Твердого и мягкого? Но что является общим подлежащим всех этих противоположных качеств, таким же, как звук для высокого и низкого, громкого и тихого, нежного и грубого? Или, может быть, у них нет единого подлежащего, и каждая пара противоположностей представляет собой наиболее отличающиеся друг от друга виды какого-то особого рода? В этом случае будет существовать не один, а целое множество предметов осязания, а оно само окажется совокупностью нескольких ощущений, объединенных общим именем. По мнению Филопона, сам Аристотель склоняется ко второму варианту ответа на этот вопрос, считая осязание не одним, а множеством ощущений (Phil. 408, 2-19). См. также: *De anima* II 11, 423a 16-18.

Находится ли орган ощущения внутри или представляет собой саму плоть – об этом едва ли можно судить на основании того, что осязание возникает одновременно с прикосновением.⁴ Ведь если кто-то, создав нечто вроде оболочки, обтянет ею плоть, то и оболочка, прикоснувшись к предмету, точно так же сразу обнаружит ощущение, хотя ясно, что ощущающего органа в ней нет (а если она еще и прирастет к плоти, то ощущение проникнет сквозь нее гораздо быстрее).⁵ Поэтому с этой частью тела,⁶ похоже, дело обстоит так же, как если бы к нам со всех сторон прирос воздух: тогда нам казалось бы, будто мы воспринимаем звук, цвет и запах чем-то одним, и что зрение, слух и обоняние представляют собой единое ощущение. Но поскольку на самом деле среда, через которую происходят эти движения, отделена от тела, то различие между упомянутыми органами чувств очевидно. В случае же осязания такой ясности нет, поскольку одушевленное тело не может состоять из воды или воздуха, но должно быть чем-то твердым, а значит ему остается быть смешанным из этих двух элементов и земли, что как раз и означает быть плотью или чем-то ей соответствующим. Так что именно тело должно быть приросшей к органу осязания средой, через которую осуществляются многочисленные ощущения. А то, что этих ощущений действительно много, показывает осязание языком, ведь он ощущает все осязательные качества той же самой частью, что и вкус. Поэтому если бы остальная плоть тоже ощущала вкус, то вкус и осязание казались бы нам одним ощущением. Но поскольку это утверждение не подлежит обращению, мы знаем, что на самом деле их два.⁷

⁴ Поскольку Аристотель не может определить способность осязания через предмет, на который она направлена, то ему остается определять ее через тот способ, каким она осуществляется. Такой подход подсказан философу не учением кого-то из предшественников, но самим строем греческого языка, в котором слово ἄφή (“осязание”), происходящее от глагола ἄπτομαι (в значении “прикасаться”, “дотрагиваться”), означает одновременно и прикосновение, и возникающее при этом ощущение. Поэтому в понимании Аристотеля осязание есть такое чувство, которое воспринимает свой предмет путем непосредственного контакта с ним и возникает в момент соприкосновения ощущающего и ощущаемого (Johansen 2007, 179-180; Sorabji 1971, 86). См.: *De anima* III 13, 435a 17-18: «осязание (ἄφή) осуществляется благодаря соприкосновению (ἄπτεσθαι) с предметами, отчего и носит это название»; III 1, 424b 25-27: «все, что мы ощущаем через соприкосновение (ἄπτόμενοι αἰσθανόμεθα), воспринимается осязанием». Но если восприятие осязаемого предмета происходит одновременно с прикосновением, то правильно ли будет сделать отсюда вывод, что органом осязания является сама соприкасающаяся с предметом часть тела, т.е. кожа и плоть? Ведь окажется плоть не органом, а средой осязания, разве не потребовалось бы ей какое-то время, чтобы передать воздействие от ощущаемого предмета к органу ощущения, находящемуся внутри? Впрочем, как показывает пример зрения, ощущаемый предмет способен вызывать мгновенное изменение в органе ощущения, даже если воздействует на него издалека (*De anima* II 7, 418b 20-26).

⁵ Чтобы доказать, что плоть не обязательно является органом осязания, Аристотель предлагает провести следующий эксперимент: обтянуть поверхность кожи чем-то вроде тонкой пленки (ὕμην) – например, обернуть руку тонким полотном, как предлагает Фемистий (Them. 73, 2), или положить на палец чесночную кожуру, как советует Филопон (Phil. 414, 19) – и попытаться дотронуться таким образом до чего-то горячего или холодного. Мы убедимся, что ощущение жара и холода достигнет нас сразу же, как только мы прикоснемся к осязаемому предмету, хотя в непосредственном контакте с ним окажется не кожа, а окружающая кожу пленка, которая не является частью нашего тела и потому не может быть органом осязания. Этот несложный эксперимент показывает, что даже в том случае, когда соприкасающееся с осязаемым предметом тело не является органом осязания, мы все равно испытываем вызванное этим предметом воздействие одновременно с прикосновением к самому предмету. Отсюда следует, что наша кожа и плоть вполне могут оказаться чем-то вроде приросшей к органу осязания естественной оболочки, которая хотя и не способна испытывать ощущение жара или холода, тем не менее способна передавать соответствующее воздействие от осязаемого предмета к внутренним частям нашего тела.

⁶ Имеется в виду плоть.

⁷ διὰ τὸ μὴ ἀντιτρέφειν – Не подлежащим обращению, по мысли Аристотеля, называется утверждение: «все ощущающее вкус осязает». Поскольку обратное утверждение «все осязающее ощущает вкус» неверно, то мы понимаем, что осязание и вкус – два разные ощущения. О процедуре обращения высказываний: Aristotle. *An.Pr.* I 2, 25a 5-26, а также: Ross W.D. (ed.) *Aristotle's Prior and Posterior Analytics*, 293.

Можно было бы задать еще и такой вопрос.⁸ Если всякое тело имеет глубину, т.е. третью величину,⁹ и два тела, между которыми находится некое третье, не могут соприкоснуться друг с другом, то, учитывая, что влажное и мокрое не существуют без тела,¹⁰ но должны быть водой или содержать воду, а между соприкасающимися в воде предметами, поскольку у тех нет сухих краев, по необходимости находится вода, наполняющая их внешние части, так вот, если все сказанное верно, то тела не могут соприкоснуться друг с другом в воде, точно так же как и в воздухе¹¹ (ведь воздух относится к находящимся в нем предметам так же, как вода – к погруженным в воду, просто мы едва замечаем его, подобно тому, как живущие в воде не замечают, соприкасается ли мокрое с мокрым¹²). Но тогда спрашивается: все ли ощущения ощущают предметы одинаково или разные – по-разному, например, вкус и осязание, как принято полагать, ощущают благодаря прикосновению, а остальные ощущения – на расстоянии?¹³ Нет, твердое и мягкое мы тоже ощущаем через другие тела, так же как звучащее, видимое и обоняемое, с той лишь разницей, что

⁸ Здесь в форме вопроса (ἀτορία) Аристотель формулирует еще один аргумент, доказывающий, что плоть служит не органом, но средой осязания. Если присмотреться внимательнее, говорит философ, то можно заметить, что поверхность нашей плоти никогда не входит в непосредственное прикосновение с ощущаемым предметом, поскольку между ними всегда оказывается тонкая прослойка либо воды (если ощущающий и ощущаемое находятся в воде), либо воздуха (если дело происходит в воздухе). Это означает, что осязание, как и любое другое ощущение, происходит не путем прямого прикосновения с предметом или стекающими с его поверхности частицами, как считали Демокрит и Платон, но осуществляется через среду, которая способна отделить форму осязаемого предмета от ее исходной материи и сообщить ее органу осязания. Но если осязание представляет собой дистанционное ощущение, подобно зрению или слуху, то нет никаких оснований считать плоть органом, а не средой осязания.

⁹ “Третьей величиной” (τρίτον μέγεθος) глубина (βάθος) названа здесь потому, что наряду с ней Аристотель выделяет еще два вида величин: линию и плоскость. Согласно *Met.* V 13, 1020a 11-12, если линия это величина, непрерывная в одном направлении, а плоскость – в двух, то глубина есть «величина, непрерывная в трех направлениях». См. также: *De Caelo* 268a 5-7, где под третьем видом величины понимается «тело, делимое в трех направлениях».

¹⁰ “Влажное” (ὑγρόν) и “мокрое” (διδρόν), будучи качествами, не могут существовать вне некоего подлежащего, которым для них служит определенное тело – вода или какая-то другая жидкость. Действительно, по словам Аристотеля в *De gen. et corrupt.* 330a 16, “мокрым” (διδρόν) называется то, «что имеет на своей поверхности чужеродную влагу».

¹¹ Рассуждение Аристотеля может быть переформулировано следующим образом. У соприкасающихся в воде тел края всегда мокрые (διδρά) и влажные (ὑγρά). Но влажное и мокрое, будучи качествами, не могут существовать без воды (ὑδωρ), вода же представляет собою тело, а значит имеет не только длину и ширину, но и глубину. Однако всякое протяженное в трех направлениях тело, находясь между двумя другими телами, не позволяет их границам совпасть друг с другом (*Phys.* 226b 23). Поэтому погруженные в воду тела не могут соприкоснуться друг с другом, откуда, в свою очередь следует, что на это не способны и тела, находящиеся в воздухе.

¹² Хотя для ума аналогия между водой и воздухом очевидна, и мы понимаем, что воздух тоже представляет собой трехмерное тело, отделяющее друг от друга предметы, между которыми находится, все же чувство мешает нам согласиться с этим, и Аристотель считает необходимым пояснить, почему. По его словам, мы не замечаем (λανθάνει ἡμῶς) находящийся между соприкасающимися телами воздух, потому что от рождения живем в нем, и воздушная среда представляет собой среду нашего обитания. Точно так же, живи мы в воде, мы не замечали бы ее присутствия на поверхностях мокрых тел и не могли бы верно судить (λανθάνει ἡμῶς) о том, соприкасаются или нет мокрые тела друг с другом. Не исключено, что этой аналогией между людьми и обитающими в воде животными Аристотель обязан *Федону*, в котором Платон тоже уподобляет людей рыбам (*Phaed.* 109e 4-7), а окружающий нас воздух – воде, говоря, что для населяющих истинную Землю существ «воздух играет ту же роль, что для нас и нужд нашей жизни вода и море» (*Phaed.* 111a 7-b1).

¹³ Аристотель, наконец, формулирует вопрос (ἀτορία), заявленный в начале параграфа (423a 22) Если твердые тела (στερεὰ σώματα), как показало проведенное рассуждение, не могут соприкоснуться друг с другом ни в воде, ни в воздухе, то правильно ли будет сделать отсюда вывод, что осязание – такое же дистанционное ощущение, как зрение, слух и обоняние? Если да, то тогда все ощущения осуществляются одинаково, через среду, а не так, как принято думать: одни – через среду (зрение, слух, обоняние), а другие (вкус, осязание) – путем прямого контакта с органом ощущения.

последние мы ощущаем на расстоянии, а первые – вблизи, почему и не замечаем этого. В действительности мы все ощущаем через среду, просто в случае вкуса и осязания не замечаем этого. Ведь, как уже было сказано выше, даже если бы мы ощущали всё осязаемое через пленку, не замечая, что та отделяет нас от осязаемых предметов, то с нами происходило бы то же самое, что и сейчас в воде и воздухе: нам точно так же казалось бы, что мы прикасаемся к осязаемым предметам, но делаем это не через среду. И все же осязаемое отличается от видимого и звучащего. Если последние мы ощущаем в силу того, что среда каким-то образом воздействует на нас, то осязаемое воспринимается нами не под воздействием среды, но вместе со средой, подобно тому как бывает, когда человек получает удар через щит: в этом случае не щит, получив удар, передает его, но человек и щит испытывают удар вместе.¹⁴ В целом кажется, что плоть и язык находятся к органу осязания в таком же отношении, в каком воздух и вода – к зрению, слуху и обонянию. Это значит, что если к ощущаемому предмету прикаснется сам ощущающий орган, то ни в том, ни в другом случае ощущения не возникнет, как если бы кто-то положил какое-нибудь белое тело на

¹⁴ Несмотря на то, что вкус и осязание тоже оказались ощущениями, передающимися через среду, между ними и дистанционными чувствами сохраняется важное различие. А именно: в случае вкуса и осязания передающая среда является естественным продолжением органа ощущения и образует вместе с ним единое непрерывное тело, тогда как в случае зрения, слуха и обоняния среда всего лишь соприкасается с телом живого существа и не является частью его самого. Отсюда и различия в способе передачи воздействия от ощущаемого предмета к органу ощущения. Если у дистанционных ощущений чувственно воспринимаемый предмет сначала воздействует на среду, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на орган восприятия, то у вкуса и осязания орган и среда, будучи единым телом, испытывают воздействие вместе. Так вплотную прижатый к телу щит, получив удар копья, не бьет в ответ держащего его человека (οὐ γὰρ ἀσπίς πλῆγεῖσα ἐπάταξεν), но испытывает удар вместе с ним, как если бы щит и человек были единым целым. Но если, по словам Аристотеля, органы вкуса и осязания воспринимают ощущаемый предмет не «под воздействием» среды (οὐχ ὑπὸ τοῦ μεταξὺ), но «вместе» с ней (ἅμα τῷ μεταξὺ), то отсюда по необходимости следует, что воздействие ощущаемого предмета вызывает изменение не только в органе осязания и вкуса, но и в самой среде этих ощущений, т.е. в плоти. Подобно тому, как щит под ударом копья прогибается и дрожит, так плоть под воздействием теплого и холодного нагревается и остывает, иными словами, сама приобретает все те осязаемые качества, которые потом передаются органу осязания. Во всяком случае, именно так понимает роль среды в осязании Иоанн Филопон: «хотя у осязания, как и у всех остальных ощущений есть среда, это не лишает чувство осязания присущей ему особенности, а именно: оно претерпевает изменение не под действием среды, как все остальные, но – вместе со средой под действием чувственно воспринимаемого предмета. ... Сама среда заодно с органом ощущения оформляется новым качеством и становится материей горячего и холодного, влажного и сухого (ἡλὴ γίνεταὶ τοῦ θερμοῦ ἢ ψυχροῦ ἢ ὑγροῦ ἢ ξηροῦ), чего не происходит с другими ощущениями, поскольку они воспринимают только энергии ощущаемого» (Phil. 432, 27-35). Если Филопон прав, и плоть действительно оформляется качествами осязаемого предмета, становясь их новой материей, то чем в таком случае она отличается от самого органа осязания, который в процессе ощущения тоже приобретает форму осязаемого предмета, переходя таким образом от обладания этой формой в возможности к обладанию ею в действительности? На это можно было бы ответить следующим образом: чтобы орган осязания мог осязать, ему недостаточно просто обладать способностью нагреваться, охлаждаться, высыхать или увлажняться, ведь то же самое может происходить с любым неодушевленным телом. Ему должна быть свойственна гораздо более сложная форма, или «первая энтелехия» (πρώτη ἐντελέχεια), предполагающая возможность испытывать качественное превращение того особого рода, о котором Аристотель писал выше как о «не уничтожающем одну противоположность другой», но «сохраняющем сущее в возможности сущим в действительности и подобным» (*De anima* II 5, 417b 2-5). Поэтому хотя плоть и является частью одушевленного тела, она устроена слишком просто для того, чтобы испытывать подобного рода качественное превращение. Ее формой, или первой энтелехией, является не ощущающая, а всего лишь питающая и растительная душа. Вот почему она играет роль приросшей к органу осязания среды и не быть частью самого органа осязания. Подробнее об этом см. ниже: *De anima* II 12, 424a 17-25.

поверхность глаза.¹⁵ Отсюда ясно, что орган, способный ощущать осязаемое, находится внутри,¹⁶ потому что только в этом случае с осязанием дело обстоит бы точно так же, как и со всеми остальными ощущениями. Ведь если положить предметы на орган ощущения, они не ощущаются, а если – на плоть, то ощущаются, следовательно, плоть есть среда осязания.

К осязаемым относятся отличительные признаки тела, поскольку оно тело.¹⁷ Под отличительными признаками я имею в виду те, которые определяют собой элементы – теплое и холодное, сухое и влажное – и о которых говорилось раньше в сочинении об элементах.¹⁸ Орган же ощущения, с помощью которого осуществляется их осязание, и в котором ощущение, называемое осязанием, присутствует в первую очередь, представляет собой часть тела, обладающую этими признаками в возможности. Ведь ощущать значит испытывать некое воздействие, поэтому каково действующее в действительности, таковым оно делает и орган, существующий в возможности.¹⁹

¹⁵ Хотя по способу передачи чувственно воспринимаемого качества от ощущаемого предмета к органу ощущения плоть и отличается от воздуха и воды, во всем остальном она остается такой же средой (τὸ μετὰξὺ), как и они. В частности, она точно так же отделяет осязаемый предмет от органа осязания, как воздух и вода отделяют окрашенное тело от глаза, звучащее от уха и пахнущее от носа. Но, по убеждению Аристотеля, когда среда отделяет ощущаемое от ощущающего, она тем самым обеспечивает последнему возможность ощущения, поскольку никакое чувственно воспринимаемое тело не сможет оказать воздействие на орган чувства, если находится в непосредственном контакте с ним. Так, если мы положим окрашенную вещь прямо на глаз или поместим пахнущее вещество прямо в ноздри, то не увидим и не почувствуем ничего (*De anima* II 7, 419a 26-30; 9, 421b 16-18). Поэтому тот факт, что ощущение теплого и холодного, сухого и влажного, твердого и мягкого возникает у нас прямо в момент прикосновения осязаемого предмета к нашей коже, служит в глазах Аристотеля дополнительным аргументом в пользу того, что кожа и плоть представляют собой не орган, но среду осязания. См. ниже 423b 24-26.

¹⁶ ὅτι ἐντὸς τὸ τοῦ ἄπτοῦ αἰσθητικόν Какой именно из внутренних органов является органом осязания, Аристотель не уточняет. Однако из других его сочинений, прежде всего, из трактатов цикла *Parva naturalia*, мы узнаем, что этим органом является сердце. См.: *De sensu* 2, 439a 1-2: «у того и другого, а именно у вкуса и осязания, орган ощущения находится возле сердца»; *De juv.* 3, 469a 10-20: «но самое главное из ощущений у всех животных находится в сердце, поскольку именно здесь должен располагаться ощущающий орган, общий для всех остальных органов чувств. Во всяком случае, два ощущения, а именно вкус и осязание, явным образом сходятся к сердцу, следовательно туда же должны сходить и все остальные».

¹⁷ ἄπται μὲν οὖν εἰσιν – у Филопона (Phil. 434, 6) и Софония (Soph. 100, 28) вместо ἄπται (“осязаемые свойства”) в тексте ἄπτά (“осязаемое”). После того, как Аристотель ответил на вопрос о единстве способности осязания и установил, где располагается осязающий орган, он приступает к выяснению того, что представляет собой предмет осязания, или “осязаемое” (τὸ ἄπτόν). Таким образом в исследовании осязания философ движется не обычным путем от ощущаемого предмета – к самому ощущению, а наоборот, от попыток найти определение ощущения переходит к выяснению природы ощущаемого предмета, поскольку, как было сказано выше, предмет осязания нам изначально неизвестен. В предыдущей части главы Аристотель установил, что осязание является не одним, а множеством ощущений. Отсюда по необходимости следует, что и осязаемых предметов тоже должно быть много, а значит у множества воспринимаемых осязанием противоположных качеств, таких как горячее и холодное, твердое и мягкое и т.д. нет одного общего подлежащего, и у каждой пары противоположностей оно свое.

¹⁸ Имеется в виду трактат *О возникновении и уничтожении* (*De gen.* II 2-3), где Аристотель признает началами всего чувственно воспринимаемого четыре элемента – огонь, воздух, воду и землю. По словам философа, эти элементы образованы четырьмя комбинациями противоположных осязаемых качеств – горячего и холодного, сухого и влажного (*De gen.* II 2, 329b 7-9). Комбинация горячего и сухого образует огонь, горячего и влажного – воздух, влажного и холодного – воду, а сухого и холодного – землю (*De gen.* II 3, 330b 2-5). Из сказанного следует, что по крайней мере у двух пар противоположных осязаемых качеств должно иметься одно общее подлежащее – тело (σῶμα), поскольку всякое тело мыслится как нечто осязаемое и воспринимаемое чувствами. Поэтому так же как о зрении мы говорим, что оно воспринимает цвет, а о слухе – что он слышит звук, так и об осязании должны сказать, что оно ощущает тело и телесность, а значит тело и телесность есть не что иное как предмет осязания.

¹⁹ τὸ γὰρ αἰσθάνεσθαι πάσχειν τι ἐστίν. Как уже неоднократно говорилось выше, любое ощущение, в том числе и осязание, представляет собой некое претерпевание (*De anima* II, 5, 416b 33; 418a 3-6; 7, 419a 17-18; 9, 422b 2). Но “претерпевать”, или “испытывать воздействие” (πάσχειν) означает уподобляться тому, что действует, а уподобляться действующему может только то, что в возможности является таковым, каково действующее

Поэтому мы воспринимаем теплое и холодное или твердое и мягкое не когда они одинаковы с нашим органом осязания, но когда выходят за его пределы, как если бы ощущение было своего рода серединой между ощущаемыми противоположностями. Вот почему ощущение различает ощущаемое, ведь середина способна различать, поскольку по отношению к каждой из противоположностей оказывается другой крайностью.²⁰ Поэтому так же как собирающееся воспринять черное и белое не должно быть ни тем, ни другим в действительности, но обоими в возможности (и то же самое справедливо для всех остальных ощущений), так и орган осязания не должен быть ни горячим, ни холодным.

Далее, подобно тому как зрение некоторым образом есть восприятие видимого и невидимого, равно как и все прочие ощущения суть восприятия противоположностей, так и осязание есть восприятие осязаемого и неосязаемого.²¹ Неосязаемым же является или то, что имеет наименьший отличительный признак из относящихся к осязаемому (как, например, воздух), или выходящее за пределы осязаемого, как разрушительное. Вот что можно в общих чертах сказать о каждом из ощущений.

Перевод С.В. Месяц (отредактированный А.Т. Юнусовым)

в действительности. Отсюда следует, что для того, чтобы ощущать теплое и холодное, сухое и влажное, орган осязания должен обладать всеми перечисленными качествами в возможности, а значит не быть в действительности ни теплым, ни холодным, ни сухим, ни влажным. Но тогда возникает вопрос, как такое возможно? Разве отсутствие осязаемых качеств, конституирующих саму телесность (см. предыдущее прим.), не будет означать, что орган осязания не является телом? Но как же он может не быть телом, если входит в состав живого одушевленного существа? Ответом на этот вопрос служит учение Аристотеля о нейтральном, или промежуточном, состоянии органов ощущения, которое излагается ниже (*De anima* II 11, 424a 2-10).

²⁰ **διὸ τοῦ ὁμοίως θερμοῦ καὶ ψυχροῦ...** Как следует из этих слов Аристотеля, орган осязания отнюдь не является бестелесным и вовсе не лишен тех основных осязаемых качеств, которые делают тело телом. Ему свойственны и определенная теплота, и влажность, и некоторая степень твердости или мягкости. Однако все эти качества остаются для нас неощутимыми и словно бы отсутствующими, потому что «подобное не может воздействовать на подобное» (*De gen.* I 7, 323b 18-21) и органы чувств не способны ощущать сами себя (*De anima* II 5, 417a 2-5). Ведь поскольку ощущать значит претерпевать и изменяться, а ничто не может измениться в то, чем уже является, или приобрести форму, которую уже имеет, то мы начинаем ощущать тепло и холод, сухость и влажность, только когда они отличаются от присущих нашему органу осязания. Можно даже сказать, что теплым мы считаем то, что превышает температуру органа осязания, а холодным – то, что уступает ей. В этом смысле сам орган осязания не является ни теплым, ни холодным, ни твердым, ни мягким, но находится в своего рода нейтральном, промежуточном состоянии, представляющим собой как бы середину (μεσότης) между той и другой крайностью. И поскольку по отношению к тому, что теплее ее самой, такая середина оказывается холодной, а по отношению к тому, что холоднее, – теплой, то это наделяет ее способностью приобретать соответствующие осязаемые качества, а значит и “различать” (κρίνειν), т.е. ощущать их. То же самое справедливо и для любого другого ощущения, будь то зрение, слух или вкус.

²¹ См. выше *De anima* II 10, 422a 20-30: «И так же как зрение может видеть видимое и невидимое, ... а еще чрезмерно яркое, ...так и слух способен слышать звук и тишину, то есть слышимое и неслышимое, и еще очень громкий звук... Чувство вкуса тоже различает вкусное и безвкусное, то есть либо обладающее слабым и едва различимым вкусом, либо имеющее вкус, разрушительный для ощущения». Как и все остальные чувства, осязание способно различать не только наличие у предмета “собственного” чувственно воспринимаемого качества (ἴδιον αἰσθητόν – *De anima* II 6, 418a 11), но и его отсутствие, т.е. ощущать не только нечто осязаемое, но и неосязаемое. Правда, как справедливо замечает Иоанн Филопон, если чувственно воспринимаемые тела действительно могут быть лишены таких качеств, как цвет, звук или вкус, то ни одно тело, поскольку оно тело, не может не быть теплым или холодным, сухим или влажным. «Ни одно тело не может быть полностью неосязаемым, поскольку, как было сказано выше, осязаемые качества конституируют саму природу тел» (*Phil.* 436, 17-21).